

М. Ю. Пупынина, Н. Б. Аралова, Ю. Б. Коряков

ГЕОГРАФИЯ МНОГОЯЗЫЧИЯ НАРОДОВ КОЛЫМСКО-АЛАЗЕЙСКОЙ ТУНДРЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

Часть 2. Эвенский язык. Эвены и их контакты с соседями

Эта работа – вторая из цикла статей, посвященных возникновению и развитию многоязычия народов Колымско-Алазейской тундры, региона, где пересекаются территории расселения юкагиров, эвенов, чукчей, якутов и русских. Отправная точка данного исследования – эвены, их появление на указанной территории, их контакты с соседями, языки, на которых они говорили. По источникам (работам этнографов, путешественников, миссионеров) прослежены места кочевков эвенов в конце XIX – начале XX в. на указанной территории. Выяснено, что представители эвенских родов, кочевавших к западу от Колымы, говорили по-юкагирски, а большинство из них считало юкагирский язык родным. По-видимому, многие эвены этого ареала владели двумя языками (эвенским и юкагирским), некоторые были трехязычными (владели эвенским, юкагирским, якутским), встречалось и четырех- и пятиязычие. У эвенов, кочевавших на юго-восточной границе Колымско-Алазейской тундры, встречалось эвенско-чукотско-русское трехязычие. Статья включает краткое сравнительное описание двух говоров эвенского языка, распространенных на западе и востоке данной территории, которое подтверждает наличие в прошлом интенсивных языковых контактов между эвенами, юкагирами и якутами западной части региона. В то же время, в говоре эвенов восточной части Колымско-Алазейской тундры контактных влияний чукотского пока не обнаружено.

Ключевые слова: многоязычие, эвенский язык, историческая социолингвистика, языковые карты, Колымско-Алазейская тундра.

Введение

Эта статья – вторая из цикла, посвященного изучению истории и распространения многоязычия народов Колымско-Алазейской тундры: чукчей, эвенов, юкагиров, якутов, русских. В первой статье эта тема была рассмотрена под «чукотским» углом на основании источников по истории и культуре чукчей, а также отчетов путешественников и миссионеров, посетивших этот регион.

Напомним, что границы рассматриваемой территории проходят по правым притокам Индигирки на западе, р. Раучуа и Большой Кепервеем на востоке. Тундра кончается на 68–69 с. ш. на юге, а с севера естественно ограничена берегом Восточно-Сибирского моря (см. рис. 1). В интересующий нас период населяющие эту территорию народы были распространены на ней неравномерно и эксплуатировали ее ресурсы по-разному.

Чукчи в целом расселены весьма компактно: большая их часть населяет современный Чукотский автономный округ, Нижнеколымский район Якутии и северные районы Камчатского края. В XIX в. они жили еще западнее, до р. Большая Эрча (правый приток Индигирки, современный Аллаиховский район), выпасая стада почти на всем протяжении Колымско-Алазейской тундры. Чукчи, как крупнотабунные оленеводы, нуждались в этих северных, прибрежных пастбищах, которые использовали в основном летом, спасая многотысячные стада оленей от гнуса и болезней. Их стойбища чаще встречались на востоке, откуда началась чу-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ 17-18-01649 «Языковые контакты в циркумполярном регионе». Данные по эвенскому языку, представленные в секции 4, собирались Н. Б. Араловой по источникам. Эта работа проводилась при финансовой поддержке Правительственной программы повышения конкурентоспособности Казанского федерального университета.

котская экспансия этих земель, и становились несколько реже к западу. В то же время, невосприимчивые к чужим культурам и языкам на востоке Колымско-Алазейской тундры, чукчи стойбищ р. Большая Эрча уже знали языки своих соседей – эвенов и юкагиров – и перенимали черты их культуры и быстро ассимилировались, см. (Тохельсонъ, 1900: 192). В настоящее время у нас нет фактических свидетельств о чукчах, проживающих западнее села Колымское, расположенного на левом берегу Колымы.

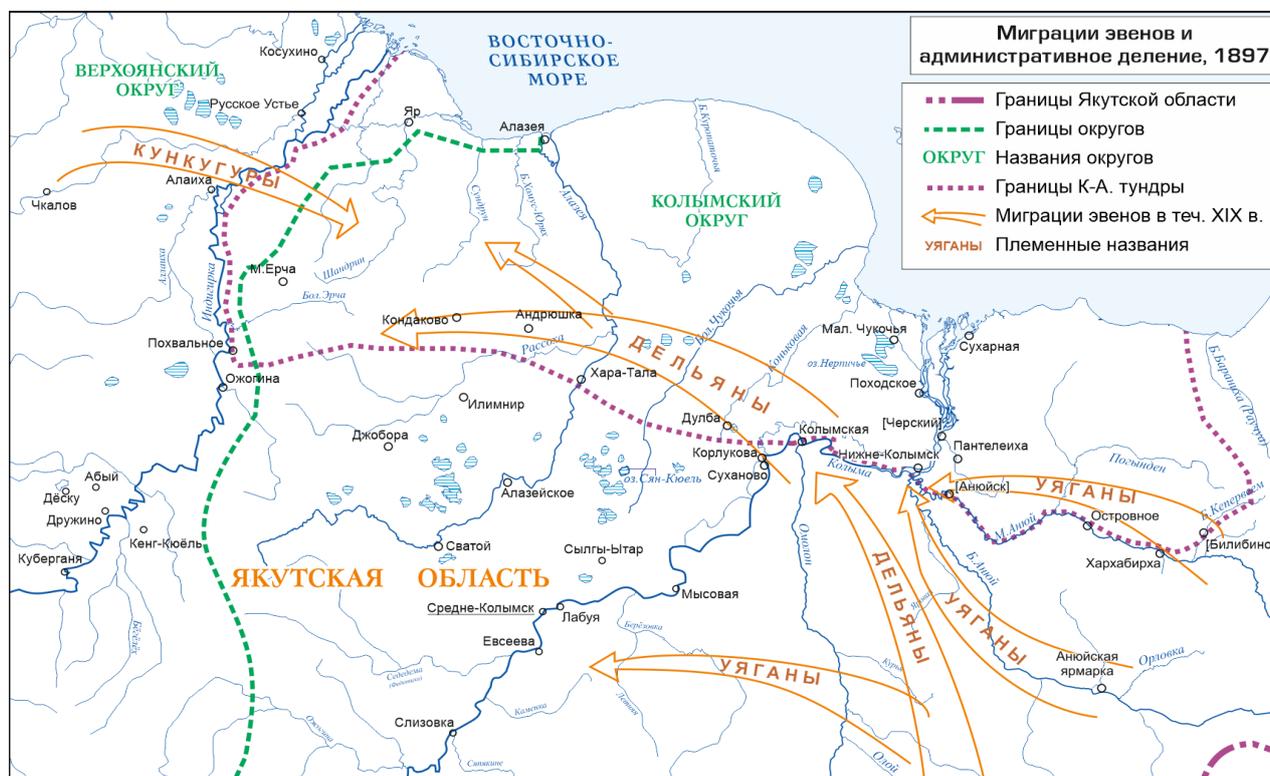

Рисунок 1

Эвены расселены шире чукчей: они рассеяны по обширным пространствам к северо-востоку от Лены вплоть до северо-восточной оконечности континента, включая частично Чукотку и Камчатку, при этом отдельные группы эвенов разделены большими пространствами, населенными другими народами. Эвены-оленеводы² имели небольшие стада (как правило, не более нескольких сотен голов) и использовали их, как правило, в транспортных целях. Сами они перемещались на оленях верхом, а для переноса груза использовали вьючных оленей. Такой способ перемещения делал их намного мобильнее чукчей; с ним же, вероятно, связано и их широкое расселение. Однако в устьях Яны и Индигирки эвены перешли на упряжное оленеводство (см. Левин, Потапов (ред.), 1956: 762–763). В дельте Колымы, по воспоминаниям наших информантов-эвенов, в стадах их предков оставалось лишь небольшое количество верховых и вьючных оленей, и пользовались ими для перевозки женщин и детей; теперь же они исчезли совсем. Перемещения эвенских групп обуславливались в первую очередь охотой на диких оленей, лосей и пушного зверя (для обмена). Эвены – таежные жители. Переход в тундренные, северные зоны (за исключением низовьев Индигирки) имел своим результатом, как правило, серьезную утрату тех или иных культурных особенностей, таких как вьючное оленеводство, или полную ассимиляцию.

² Как и чукчи, эвены разделялись на «пеших» и оленных.

С характером распространения связаны и диалектные особенности чукотского и эвенского языков. Чукотский язык, в целом, очень однороден на всей территории своего распространения. Чукотский входит в небольшую чукотско-камчатскую семью, не имеющую доказанных генетических связей с соседними языками. Эвенский и эвенкийский – два весьма близких и даже в какой-то степени взаимопонятных языка в составе северной ветви гораздо более многочисленной тунгусо-маньчжурской семьи. Диалектная раздробленность обоих языков очень высока (Василевич, 1948; Бурыкин, 2004). Только на территории Колымско-Алазейской тундры распространены два диалекта эвенского, представители которых, по нашим данным, не всегда понимают друг друга. Большие расстояния между различными группами эвенов и диалектная разобщенность создали специфические условия для языковых контактов и существенно повлияли на их результаты.

Разные группы эвенов фигурируют в литературе под различными именами. Источники, описывающие с точки зрения очевидцев интересующий нас регион, включают, как правило, упоминания о «тунгусах» и «ламутах». Под этими терминами авторы часто подразумевали различные этнические группы: так, В. Г. Богораз называл ламутами эвенов, кочующих по восточным притокам Колымы: Омолон, Большому Анюю, Малому Анюю), (Богораз, 1900). При этом в его трудах имеются и упоминания о тунгусах, кочевавших к западу от Колымы. По В. И. Иохельсону, ламуты – это «несколько тунгусских колен, кочующих по Верхоянскому и Колымскому округам... по большей части оседлых рыболовов» (Иохельсон, 1895: 147). В современной литературе по этнографии термин «тунгусы» используется в значении «эвенки», а также тогда, когда определить точную этническую принадлежность какого-то рода эвенков или эвенов затруднительно (ср., например, Туголуков, 1985). Пользуясь в основном современным термином «эвены», мы также будем при необходимости употреблять термин «тунгусы» в последнем значении.

1. Распространение эвенов по Колымско-Алазейской тундре в XIX – начале XX в.

Эвены, в отличие от чукчей, были распространены не по всей Колымско-Алазейскую тундре. В восточной ее части они кочевали только в устьях рек Малый и Большой Анюю, т. е. уже там, где исследуемый тундренный регион граничит с лесом. Зато по всей Большой Западной тундре³ эвены других родов кочевали и активно смешивались с юкагирами. История появления этих двух групп эвенов в Колымско-Алазейской тундре будет непонятна без краткого изложения этнической истории эвенов.

Прародиной эвенов считают территорию, где эвены отделились от эвенков – предположительно, между устьями Алдана и Вилюя (Туголуков и др., 1997: 17–23). Процесс продвижения эвенов к северо-востоку (и одновременно формирование их как народности) трудно назвать однонаправленным или линейным. В тунгусских преданиях, проанализированных в (Туголуков, 1980: 167) упоминается, что «к началу XVII в. тунгусы уже не только побывали на Крайнем Севере .... но многие из них уже успели вернуться обратно». Этногенез собственно эвенов (т. е. отделение их от тунгусов) многие исследователи связывают с заселением тунгусами юкагирской и корякской территории и ассимиляцией этих народов (Василевич, 1946; Левин, 1958; Туголуков, 1980).

К середине XVII в. (время прихода русских) эвены были расселены на обширной территории между Верхоянским хребтом и Охотским побережьем. Колымско-Алазейскую тундру они заселяли как со стороны первого, двигаясь на восток через Яну и Индигирку (см. стрелку «кункугуры» на рис. 1), так и со стороны Охотского побережья, двигаясь на северо-запад (см. стрелки «уяганы» и «дельяны» на рис. 1).

По данным архива Географического общества, в первой трети XIX в. в Якутской области между Яной и Индигиркой (Верхоянский район) кочевали две локальные эвенские группы

³ Так называется в большинстве источников тундра между Индигиркой и Колымой.

Ламуто-юкагирское и ламутское население Западной Колымско-Алазейской тундры по родному языку, 1897 г. (Патканов, 1912: 796–813)

Группа	Роды	Родной юкагирский	Родной ламутский
Ламуто-юкагиры	Бетильский	142	23
Среди бродячих юкагиrow	Первый каменно-дельянский (9), Второй каменный (8), Кункугурский (8), не показан (3)		28
Среди кочующих чукчей	Не показаны	15	9
Бродячие ламуты	Второй каменный		52

Интересно, что, в противоположность языковой принадлежности, в материальной культуре второго каменно-ламутского рода обнаруживается так много юкагирских элементов, что, как утверждает В. И. Иохельсон, «тунгусское происхождение этого рода устанавливается не очень определенно» (Иохельсон, 1926/2005: 93). Второй каменно-ламутский род – административное название, сами они называли себя юкагирским словом «Ходейджил-омок» (Иохельсон, 1900: 156); так же они названы и в переписи. Сохранились лишь легенды о том, что его представители прикочевали с правобережья Колымы, поэтому «дельянскую» стрелку на рис. 2 можно считать гипотетической. Отметим, однако, что на правой стороне Колымы, действительно, обнаруживается первый каменный эвенский род (см. рис. 2), подразделение большого рода дельянов.

Бетильский род, напротив, во многом сохранил тунгусские черты. В частности, у бетильцев частично сохранился обычай не жениться на женщинах своего рода, а в целом же «тунгусы, живущие с юкагирами, забросили это обычай» (Иохельсон, 1926/2005: 139, 146). Представители бетильского рода прикочевали «с якутской стороны», т. е с запада, вероятно, примерно в первой трети XVIII в. (Иохельсон, 190: 209). Бетильский род не соотносится ни с одним из существующих эвенских родов (поэтому мы не нанесли его на карту рис. 1), но, по видимому, имеет отношение к эвенкийскому роду бети. Заметим, что, по непонятным причинам, в (Туголуков и др., 1997: 15) говорится, что на Алазее кочевали *эвенки-бетильцы*. Интересно, что представители рода бети в Оленекском районе перешли на якутский язык, но продолжали считать себя эвенками, что перекликается с ситуацией на Алазее, где бетильцы перешли на юкагирский, но продолжали считать себя тунгусами (Туголуков, 1985: 221–222).

Представители рода бетильцев, или хангаев, как их называли якуты, были обнаружены в бассейне р. Чукочьей в середине XX в. этнографической экспедицией И. С. Гурвича. «В быту» (видимо, при общении с соплеменниками) они говорили на одульском (юкагирском) языке (Гурвич, 1952: 203). К западу от бетильцев, в низовье Алазеи, И. С. Гурвичем отмечены эвены-хододью (видимо, иохельсоновские «ходейджил» второго каменно-ламутского рода), говорящие по-эвенски (там же), что согласуется с данными переписи 1897 г. Эвены-хододью отмечены в середине XX в. К. А. Новиковой в Аллаиховском районе. Этот род, также как и род дутки и холдыча, она считает юкагирским родом, подвергшимся эвенской ассимиляции (Новикова, 1962: 113). Род холдыча (хулдыча) упоминается также в монографии (Дуткин, Бемянская, 2009: 84) как составная часть эвенов илкан.

По-видимому, уже после периода времени, рассматриваемого в статье, произошли новые перемещения эвенских групп. Так, в книге по истории Олеринской (Нижне-Алазейской) тундры для середины XX в. отмечаются переселения эвенов Аллаиховского района (кункугуров?) в Нижнеколымский (Ягловский, 2003: 8). В историко-социолингвистических интервью, взятых нами у жителей Нижнеколымского района, также фигурирует западное направление переселений. В. Н. Тырылгина, смешанного эвено-якутского происхождения, переехала в Нижнеколымский район из Аллаиховского, граничащего с Нижнеколымским с запада, в 1967 г. Она рассказывает, что в конце 50-х годов эвены-оленевоеды из Нижнеколымского района, кочевавшие по правому

берегу реки Сундрун, приезжали в гости к аллаиховским эвенам (в том числе к ее отцу) на левый берег той же реки. При этом их языковые варианты, которые она называет общим словом «колымо-индигирский диалект», были полностью взаимопонятны.

Наконец, в исследованиях 1950-х гг. отмечается, что среди эвенов Нижней Колымы встречаются и выходцы со стороны Охотского побережья, представители дельянского и уяганского родов (Новикова, 1962; Гурвич, 1952). По-видимому, миграции дельянов, а возможно, и уяганов могли быть и более ранними. М. Я. Горулин (1915–2009) вспоминал, что его дед-эвен вместе с его отцом и дядей «спустился по Омолону» (т.е. с юго-востока) в Нижнеколымск, где нанялся на работу к русскому купцу. Предки нескольких информантов относили себя к роду Балаганчиков, к которому принадлежала также часть эвенов р. Березовки, восточного притока Колымы. Это было одно из подразделений рода дельянов, см. (Роббек, 1989).

Сейчас считается, что в группу эвенов-илкан – эвенов современного Нижнеколымского района – вошли представители родов кододьи (хододью, ходейджи, т.е. бывший второй каменно-ламутский род), кангаи (хангаи, или бетильцы), хулдыча (пока не реконструируемый род, возможно, юкагиры, перешедшие на эвенский), кукуюн (кункугуры). Кроме того, в небольшом количестве в илкан включаются ассимилированные юкагиры рода дуотки (дutki), а также дьялланкин (дельянский) и уяганкин (уяганский) – последние два выходцы с востока (Дуткин, Белянская, 2009: 84).

В восточной части Колымско-Алазейской тундры, которая сейчас относится к Чукотскому автономному округу, эвены кочевали только на границе леса, захватывая лишь небольшую часть тундры, «принадлежащей» чукчам. Дальше всего в тундру заходили, вероятно, эвены уяганского рода, однако к краю леса приближались и представители первого каменного и первого и второго омолонского родов, см. рис. 2. Последний род – это «обламутивший на 5/6 своего состава» род юкагиров (Богораз, 1900: 59). Их территория значительно пересекалась с чукотскими пастбищами, при этом чукчи были на этой территории недавними «пришельцами» (Богораз, 1900: 61).

Уяганы и дельяны восточной тундры, в отличие от эвенов бетильского и второго каменно-ламутского родов, имели достаточно многочисленную стада в несколько сотен голов и не голодали (Богораз, 1900: 60).

В литературе встречается упоминание о чаунской группе эвенов, которые «спускаются на тундру близ Чаунской губы» (там же), т.е. на восточной границе Колымско-Алазейской тундры. Основным их занятием была охота на песца и дикого оленя, и уже во времена Богораз они существовали «в значительной степени... паразитством» (там же). «Ламуты» на Чауне, как оседлые, так и кочевые, отмечены штабс-капитаном Калининским, пребывавшим на Чукотке в 1907–1909 гг., однако поздними советскими переписями эвены там не зафиксированы (Калинников, 1912: 54–55).

Как показывает пример двух родов западной тундры и чаунских эвенов, в зоне равнинной тундры эвены, привыкшие к таежному образу жизни, постепенно утрачивали свой язык и культуру в результате контактов с соседними народами.

2. Места контактов эвенов с соседними народами и языки, используемые во время контактов

Контакты эвенов, живущих западнее Колымы

Выше уже было указано, что в Большой западной тундре юкагиры и эвены в конце XIX – начале XX в. кочевали рядом, и их культуры и языки оказались причудливым образом перемешаны. Очевидцы далеко не всегда старались провести различия между этими группами, что надо принимать во внимание при анализе контактов эвенов с соседними этносами. Интенсив-

ные и длительные контакты эвенов с юкагирами во всех сферах (межэтнические браки, соседство (кочевка по одним и тем же территориям), торговля и т. п.) можно считать очевидными на основе данных, изложенных в предыдущем разделе.

В работе (Пупынина, Коряков, 2018) уже отмечалось, что все пять народов Колымско-Алазейской тундры торговали друг с другом. Контакты между эвенами, юкагирами и якутами, часто обменного характера, происходили, как правило, на якутской территории. Территории якутских наслегов, Эгинского и Первого Кангаласского, расположенных у «края леса», частично захватывают южную часть Колымско-Алазейской тундры (см. рис. 3). В Эгинском наслеге якуты, эвены и юкагиры часто встречались и обменивались товарами в районе оз. Дулба; порой туда же заглядывали и чукчи. Ярмарка на этом озере упоминается в (Лохельсонь, 1900: 165–166). Чукчи появились в этих местах и стали участвовать в торгах только после 70-х гг. XIX в., а вот эвены, юкагиры и якуты здесь встречались и раньше. Здесь важно упомянуть, что малоолненные эвены и юкагиры Большой западной тундры находились в большой зависимости от якутов. Их выживание зависело от охоты и в большой степени от рыболовства, однако только якуты держали небольшие табуны лошадей и поставляли на рынок необходимый для сооружения рыболовных снастей конский волос.

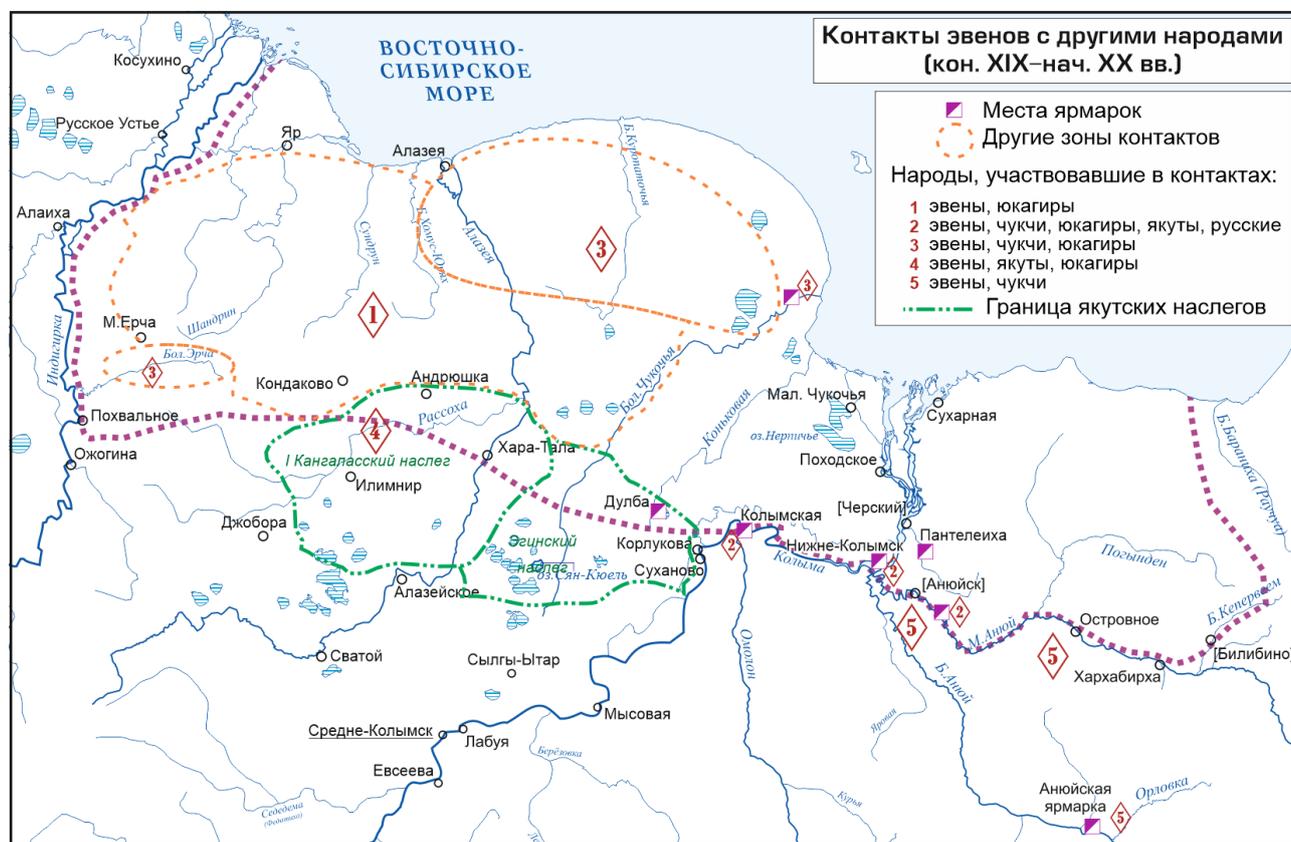

Рисунок 3

Также интересно сообщение миссионера Аргентова о проповеди на Дулбе в 1843 г.: «Мы помещались в нарочно устроенной к приезду моему большой тунгусской кожаной юрте. Пол устлан был хвойными ветвями и оленьими шкурами.... Держа книгу в руках, я сделал знак к молчанию. Тунгусы и юкагиры, занимавшиеся до того взаимными приветствиями, целуя друг друга и подчюя обоюднa ганзами, затихли... Два толмача изъясняли мои слова на незнакомом мне наречии... Когда кончил, уважаемый своими, тунгус Антон Курилов от имени всего собрания принес

мне истинную благодарность за проповедь слова Божьего». (Аргентов, 1857: 8). О якутах Аргентов ничего не пишет: однако скорее всего, якуты выступали только как организаторы проповеди на своей территории.

В 1905 г. на Нижней Алазее побывал Казимир Рожановский, проводивший там исследование экономического положения местного населения. По его данным, на Алазее насчитывалось более 1000 якутов, проживающих в основном в верховьях и на среднем течении, и 221 тунгус. Последняя цифра согласуется с переписью 1897 г., если учитывать и «бродячих ламутов», и «ламуто-юкагиров». Чукчей Рожановский точно подсчитать не смог, но оценил их количество примерно в 200 человек, а юкагиров обнаружил всего 9. «Прииндигирских кочующих юкагиров», как «случайно зашедших в область реки Алазеи», Рожановский не принимал в расчет (Рожановский, 1907: 174). Из этого можно сделать вывод, что либо эвенское население было более оседлым, чем юкагирское, либо эвенские стойбища находились во время пребывания на Алазее Рожановского настолько близко к самой реке, что он считал возможным их переписать.

Экономическое положение жителей средней и нижней Алазеи (юкагиров, «ламутов», «тунгусов») Рожановский оценивает как крайне нищенское. Так, «тунгусы и ламуты» (бетильцы и второй каменный род?) либо совсем лишились стад, либо имеют по 5–10 оленей (Рожановский, 1907: 175). Для улучшения их быта он предлагает учредить магазины для хранения доставленной для нужд местного населения муки и прочих продуктов, улучшить поставки материалов для рыболовных снастей. Один такой магазин он предложил учредить в 1-м Кангаласком наслеге. Это место он называет «самым многолюдным», т.к. туда «обыкновенно перекочевывают на зиму алазейские тунгусы и ламуты и во время острых голодовок постоянно пользуются поддержкой якутов 1-го Кангалаского наслеге; часть тунгусов и ламутов, лишившись своих стад, живет среди якутов этого же наслеге, исключительно занимаясь рыбным промыслом» (Рожановский, 1907: 180–181).

Все вышесказанное дает основания предположить, что те представители эвенских и юкагирских родов, которые часто посещали якутские наслеге, владели якутским языком. Те, кто торговал с чукчами (например, приезжал на Анюйскую ярмарку), владели и чукотским. Известно, что эвен, проводник и переводчик миссионера Леонида Синявина во время его путешествия к чукчам правобережья Колымы владел эвенским, якутским и чукотским языками. Любопытно, что этот переводчик не владел русским языком, и с Синявиным они общались по-якутски (Синявин 1913: 193).

Контакты эвенов, живущих восточнее Колымы

Эвены, кочевавшие по правым притокам Колымы, Анюям и Омолону, интенсивно контактировали с чукчами. Они встречались на Анюйской ярмарке, виделись во время перемещений по тундре. По сообщениям ветеринарного врача Анисима Полякова, побывавшего на правых притоках Колымы в 30-е гг. XX в., чукотское и эвенское стойбища могли располагаться на расстоянии 20 км друг от друга (Поляков, 1983: 94–95). Чукчи часто нанимали более бедных эвенов в пастухи и женились на их женщинах (Богораз, 1934/2011: 19). Среди кочующих чукчей правобережья Колымы переписью 1897 г. зафиксировано девять «ламутов» первого каменного рода (Патканов, 1912: 796–813). Любопытно, что шесть из них указали родны языком ламутский, а трое – юкагирский.

По-видимому, многие эвены (по крайней мере, мужского пола) в интересующий нас период владели, помимо эвенского, чукотским и русским языками. Этнограф В. Г. Богораз начал учить чукотский язык с помощью эвенов⁵, которые, в отличие от чукчей, «могли кое-как объясняться по-русски» (Богораз, 1899: 9–10).

Контакты эвенов Колымско-Алазейской виде в обобщенном виде представлены на рис. 3.

⁵ «тунгусов» и «ламутов». Вероятно, он называл ламутами эвенов, кочевавших правее Колымы, и тунгусами – эвенов, кочевавших в Большой Западной тундре.

3. Следы языковых контактов в современных эвенских говорах

Выше уже было показано, что группы эвенов, обитавших западнее Колымы, т. е. в Большой западной тундре, и восточнее Колымы, т.е. по рекам Большой и Малый Анной и Омолон, существенно различались между собой. Западная группа (второй каменный и бетильский роды) смешалась с юкагирами, многие эвены переняли юкагирский язык. Эвены второго каменного рода и некоторые бетильцы продолжали говорить на эвенском языке, но этот вариант, по-видимому, был впоследствии вытеснен более западным вариантом эвенского. Юкагиры также подверглись сильному влиянию эвенов. В свою очередь, на оба эти народа оказали значительное культурное влияние якуты. В то же время, эвены, кочевавшие по восточным притокам Колымы, имели достаточно большие стада и экономически меньше зависели от более состоятельных чукчей, чем их западные соседи от якутов. Посмотрим, какие следы этой ситуации можно наблюдать в современных эвенских диалектах, и попробуем использовать эти данные, чтобы дополнить известные нам сведения о контактах эвенов с соседями в прошлом.

С лингвистической точки зрения Колымско-Алазейская тундра – это зона, в которой граничат ареалы распространения западного и восточного наречий современных эвенских диалектов. Согласно одной из наиболее современных классификаций эвенских говоров (Бурыкин 2004)⁶, на этой территории распространены три говора: нижнеколымский и аллаиховский (распространенный в Аллаиховском районе Якутии, расположенном к западу от Нижнеколымского, и частично попадающий в границы Колымско-Алазейской тундры) на западе и говор эвенов северо-западной Чукотки – на востоке рассматриваемого ареала. Нижнеколымский и аллаиховский говоры относятся к западному наречию эвенского языка, как и практически все говоры, распространенные на территории Якутии; исключение составляют говоры эвенов Берёзовки и эвенов Улахан-Чистайского наслега Момского района (диалектная принадлежность эвенских родовых групп Нижнеколымского и соседних районов Якутии на 50-е гг. XX в. показана на рис. 4). Многие черты сближают аллаиховский и нижнеколымский эвенский с их западным соседом – усть-янским говором. Дуткин и Белянская (2009) даже рассматривают эти говоры как одну диалектную единицу, называя их тундренным диалектом западного наречия эвенского языка. Все говоры западного наречия обнаруживают следы якутского влияния (см. Mal'čikov, 2006). Говор эвенов северо-западной Чукотки относится к восточному наречию эвенского языка и не имеет существенных отличий от ольского говора, который распространен очень широко: в нескольких районах Магаданской области, на Охотском побережье, на севере Хабаровского края, на Чукотке, а также в Среднеколымском улусе Якутии (говор эвенов Берёзовки). Ольский говор лежит в основе эвенского литературного языка.

Таким образом, нижнеколымский и аллаиховский говоры отличаются от говора эвенов северо-западной Чукотки (и, соответственно, от ольского говора) теми же самыми чертами, которые отличают западное наречие от восточного (ср. (Новикова, 1960: 18; Дуткин, 1995; (Бурыкин, 2004: 47), (Шарина, Кузьмина, 2018)). Различия между наречиями проявляются на всех языковых уровнях. Самое яркое различие в фонетике – это соответствие [с] в середине и в конце слова в восточных диалектах фарингальному [h] в западных: ол. *асаткан* ~нк., алл. *aħatkan* ‘девушка’. Другое отличие обнаруживается в сочетаниях «[л] + вибрант» и «носовой+вибрант»: вибранту [p] в восточных диалектах соответствует взрывной [d] в ряде западных говоров (нижнеколымском, аллаиховском, усть-янском, момском, томпонском): нк., алл.

⁶ Со времен одной из первых классификаций Цинциус (1947: 7), предложившей выделять западную и восточную группы говоров, количество и состав крупных диалектных групп несколько раз уточнялись. Мы пользуемся здесь работой Бурыкина (2004), поскольку она является наиболее полной с точки зрения охвата источников и лингвистической аргументации, как в пользу выделения одних лектов в отдельные говоры, так и в пользу объединения некоторых говоров, ранее считавшихся отдельными языковыми разновидностями, в один говор.

олда~ ол. *олра* ‘рыба’. В нижнеколымском, аллаиховском и ламунхинском говорах обнаружена метатеза [h] в исходе слова и в сочетаниях согласных с [h] в середине слова, которая отсутствует в восточных говорах: нк., у-я. *буһкэ*, алл. *буһкэ/бөһкэ* ~ ол. *бөкэс* ‘лёд’

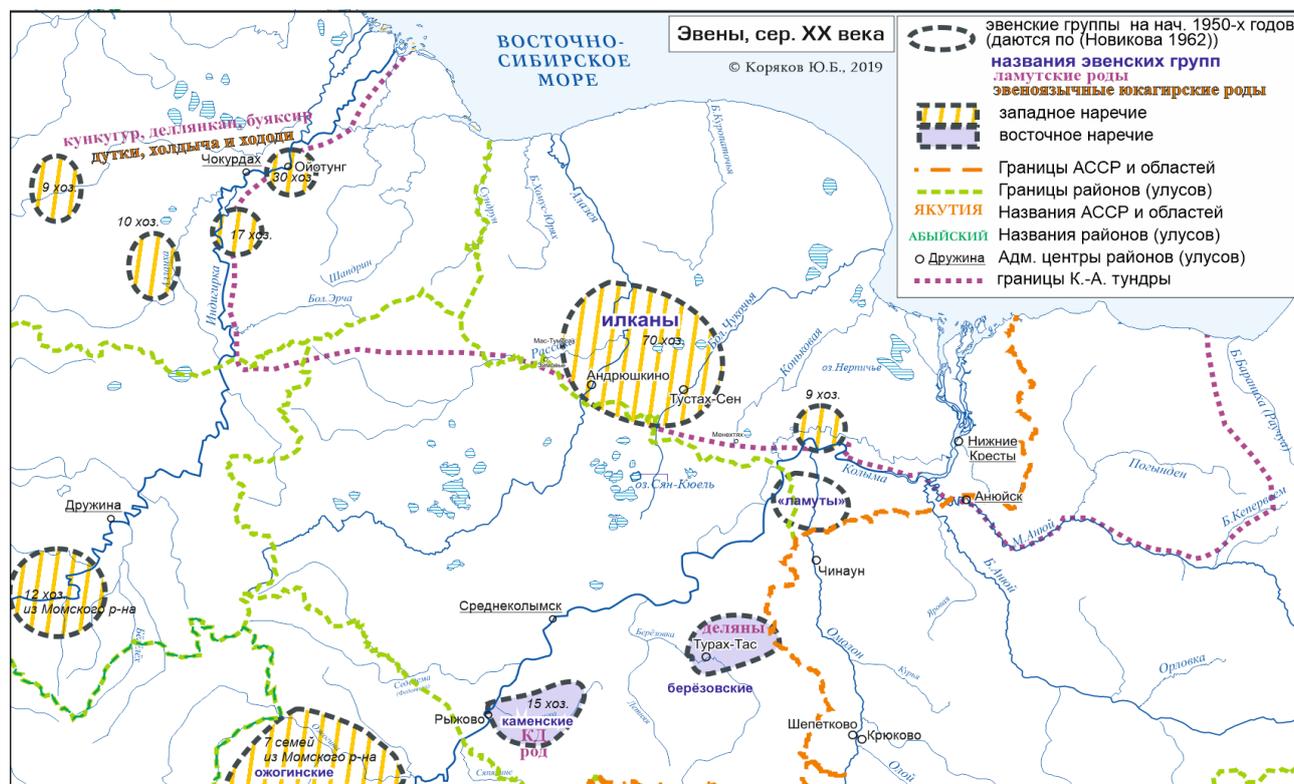

Рисунок 4

В области морфологии западные говоры отличаются от восточных отсутствием категории эксклюзива-инклюзива и специализированных форм притяжательных местоимений 1-го и 2-го лица *мин, һин, мун, һун* (Новикова, 1960: 18–19).

Напомним, что, что в работе (Дуткин, Белянская, 2009: 84–85) упоминается, что в род илкан (нижнеколымские эвены) вошли эвены нижней Индигирки, т.е. территории, где сейчас распространен аллаиховский говор. При этом, возможно, говор, на котором еще говорили колымско-алазейские эвены прежних миграционных волн, был вытеснен. В целом, нижнеколымский и аллаиховский варианты эвенского очень похожи; определенное сходство наблюдается также с эвенским, распространенном еще западнее, в Усть-Янском районе Якутии. В лексике этих вариантов присутствуют заимствования из якутского и юкагирского языков.

Из якутского в эти говоры массово заимствуются наречия, прилагательные, частицы, числительные, а также глаголы и существительные (см. Саввинова, 2010, Шарина, Кузьмина, 2018: 110–113). В нижнеколымском говоре зафиксированы две конструкции со значением дебитатива, развившиеся под якутским влиянием, в то время как дебитативная форма на *-нна/-ннэ*, свойственная многим другим западным диалектам (момскому, томпонскому и аллаиховскому), а также восточному ольскому, отсутствует (Шарина, Кузьмина, 2018: 86–89).

В нижнеколымском говоре обнаружен обширный пласт лексики разных семантических групп, заимствованный из тундренного юкагирского языка (Шарина, Кузьмина, 2018: 109–110). Отдельные слова также отмечены в аллаиховском и усть-янском говорах, см. (Дуткин, 1995: 74, 85–138, Дуткин, Белянская, 2009: 64–65), также встречаются в других западных говорах.

В эвенский язык Аллаиховского и Усть-янского районов заимствованы, среди прочего, несколько юкагирских терминов родства (те же, что и в нижнеколымский эвенский). Это подтверждает наличие давних контактов эвенков и юкагиров на территории от Яны до Колымы, см. табл. 2.

В восточных диалектах заимствования из якутского языка редки и встречаются преимущественно в фольклорных текстах (Бурыкин, 2004: 72). В ряде диалектов отмечаются заимствования из корякского языка (см. примеры в (Бурыкин, 2004: 72) для ольского говора).

О влиянии чукотского языка на диалекты эвенского сложно делать какие-либо обобщения, хотя такое влияние ожидается в силу географической близости этих языков и контактов, как с носителями западного, так и восточного наречий эвенского языка. Дуткин (1995: 74) приводит несколько заимствований из чукотского в аллаиховский говор. В нижнеколымский вариант из чукотского заимствовано несколько оленеводческих терминов: *йаттык* 'гоночная нарта' (ср. нк. *йаттиэк* 'легкая чукотская нарта из ивняка') <чук. *яаатэк* 'нарта для перевозки детей', *кенкель* 'кнут', *кенчик* 'кнут из двух тальников и веревки' <чук. *кэнчиц*⁷, хлыст, кнут, бич' (Данилова, 1991: 65). В имеющихся в нашем распоряжении текстах, записанных от носителей эвенского из с. Анюйск и с. Омолон, очевидных заимствований из чукотского не встретилось⁷, хотя в этом регионе до сих пор проживают люди, одинаково хорошо владеющие эвенским и чукотским (двумя этими языками владеют чаще чукчи, чем эвены).

Таблица 2

Юкагирские заимствования в нижнеколымском, аллаиховском и усть-янском эвенском.

перевод с эвенского	ольский (Цинциус, Ршес 1952; Новикова 1960, 1980)	нижнеколымский (Шарина, Кузьмина, 2018)	аллаиховский (Дуткин 1995)	усть-янский (Дуткин, Белянская 2009)	юкагирский (Курилов 2001; Nikolaeva 2006)	перевод с юкагирского
младший брат, младшая сестра	<i>нө:</i>	<i>эмд'э</i>	<i>эмд'э</i>	<i>эмд'э</i>	т. юк. <i>эмд'э</i>	младший брат, младшая сестра
бабушка, тётка, старшая сестра отца	<i>ата</i>	<i>эпиэ</i>	-	-	т. юк. <i>эпиэ</i>	бабушка (старшая единоутробная, двоюродная или троюродная сестра отца)
младшая сестра отца	<i>экэн</i>	<i>эвд'уо</i>	<i>экэ</i> (зват.)	<i>экэн</i>	т. юк. <i>эвд'уо</i>	тётя (едино-утробная, двоюродная сестра отца)
лодка	<i>мо:ми</i>	<i>улд'э</i>	<i>элд'э ~ улд'э</i>	<i>олд'э</i>	т. юк. <i>элд'э</i>	ветка (челнок)
нарта	<i>турки:</i>	<i>налима</i>	<i>налима</i>		т. юк. <i>лалимэн</i>	нарта, сани ⁸
кость	<i>икэри:</i>	<i>амун</i>	<i>Амун</i>	<i>амун</i>	т. юк. <i>амун</i>	кость
вода	<i>мө:</i>	<i>о:нди</i>	<i>о:нди</i>	<i>о:нди</i>	к. юк. <i>önde</i> т. юк. <i>öñje</i>	горная река река с истоком в озере
шапка	<i>а:вун</i>	<i>кура:тли</i>	<i>кура:тли</i>	<i>кура:тли</i>	т. юк. <i>kura.tli:</i>	погребальная шапка

Неожиданно, но в фонетике нижнеколымского говора наблюдается также одна черта, отсутствующая в ольском говоре, но обнаруженная в быстринском и олюторском говорах Камчатки (восточная диалектная группа), а именно переход краткого и долгого [ө] в краткий и долгий [у]:

⁷ Данные тексты были собраны М. Ю. Пупыниной во время экспедиции в Билибинский район ЧАО, финансируемой из гранта NSF #1761551 «Investigating language contact and shift through experimentally-oriented documentation».

⁸ Хотя в источниках по эвенской лексике *налима* считается бесспорным заимствованием из юкагирского, Nikolaeva, (2006: 247) отмечает, что направление заимствования для этой лексемы неясно.

нк. *һук*-~ ол. *һөк*- 'быть горячим', нк. *зун*- ~ ол. *зөн*- 'говорить'⁹. В аллаиховском говоре такой же переход отмечен для рода Дутки, подвергнувшегося сильному влиянию юкагирского (Дуткин, 1995: 13), что, опять же, сближает аллаиховский и нижнеколымский варианты эвенского. В усть-янском говоре также отмечается вариативность (у-я. *өмэн/умэн* ~ ол. *өмэн*). Тем не менее, интересно, что нижнеколымский посессивный показатель 2 л. мн. ч. имеет форму *-һнан/-һнэн*¹⁰, однако в аллаиховском и усть-янском говорах форма 2 л. мн. ч. оказывается более близка восточным говорам (и литературной норме): алл., у-я. *-һан/-һэн* ~ ол. *-сан/-сэн*.

Обобщая изложенный материал, можно отметить, что в говорах западной группы, распространенных в Колымско-Алазейской тундре – нижнеколымском и аллаиховском, – четко прослеживается влияние якутского и юкагирского языков, которое является следствием языковых и культурных контактов, а также многоязычия эвенов этого региона. Между нижнеколымским и аллаиховским говором имеются определенные различия. Однако, в целом, эти два говора и примыкающий к ним на западе усть-янский говор близки, и вполне вероятно, что исторически эти группы эвенов родственны (как предполагали Дуткин и Белянская, 2009), или по крайней мере частично пересекаются в родовом составе. Интересно, что показатель 2 л. мн. ч. в нижнеколымском говоре совпадает с соответствующим показателем в ламунхинском. Это может быть сигналом множественных миграций и лингвистических наслоений в одном и том же говоре. Что касается восточной части рассматриваемой зоны, язык эвенов северо-западной Чукотки до сих пор не описан достаточно тщательно, чтобы можно было с уверенностью судить о полном отсутствии в нем юкагиризмов. Однако по имеющимся у нас данным, а также информации в (Бурыкин, 2004), этот говор действительно очень близок говору эвенов Берёзовки и ольскому говору. Мы не обнаружили в нем не только юкагиризмов, но и сильного влияния якутского. Следов контакта с чукотским языком в других эвенских говорах Колымско-Алазейской тундры, кроме нескольких заимствований, нам обнаружить не удалось, несмотря на то, что чукчи издавна присутствуют в этом регионе.

Заключение

В Колымско-Алазейской тундре обнаруживаются следы нескольких миграций тунгусов, начиная примерно с первой трети XVIII в. и заканчивая первой половиной XX в. Исследуемый регион заселялся эвенами как с запада, так и с востока; во время их заселения в этих местах уже кочевали тундренные юкагиры, язык которых переняли некоторые эвенские группы, кочевавшие к западу от Колымы. Одновременно с этим в новых для эвенов условиях (тундра) утрачивались и некоторые черты эвенской материальной культуры, такие как выючное и верховое оленеводство. Колымско-Алазейская тундра в исследуемый период являлась «плавильным котлом» для эвенских (тунгусских) и юкагирских групп, которые смешались в языковом и культурном отношении. Возможно, равнинная тундра как новый ландшафт не позволила таежникам-эвенам продолжать существовать независимо от юкагиров, более адаптированных к выживанию в этих условиях. Таким же образом, эвены, кочевавшие в тундре к востоку от Колымы, в районе Чауна, смешались с чукчами.

Эвены Большой Западной тундры, как и юкагиры, находились в начале XX в. в весьма бедственном экономическом положении, вследствие чего попали под влияние якутов, проживавших в наслеге на окраине исследуемого региона.

⁹ Сложно сказать, является ли эта черта следствием контакта с восточными диалектами, или же это независимый процесс, происходящий в разных диалектах (такое развитие обнаружено также в ульинском говоре (Бурыкин, 2004: 75), и в других северно-тунгусских языках – в эвенкийском и негидальском).

¹⁰ Аналогичный показатель встречается также в ламунхинском говоре (одном из самых западных говоров эвенского).

Юкагирское влияние (лексические заимствования) отмечается не только для нижнеколымского говора эвенского языка, но и для аллаиховского и усть-янского вариантов, хотя нижнеколымский говор несомненно лидирует в этом отношении (обнаружено более 30 заимствований из различных семантических групп). В аллаиховском и усть-янском заимствованиях отмечено менее 10, однако в их число входят термины родства, что свидетельствует о длительных и давних контактах, которым предшествовал, возможно, период двуязычия.

На востоке региона эвены кочевали на границе леса и тундры, и традиционное эвенское оленеводство у них сохранилось по настоящее время. На востоке эвены часто контактировали с чукотскими группами, а юкагиры в конце XIX в. там уже было очень мало: по-видимому, они уже были ассимилированы эвенами или чукчами.

Среди эвенов тундры было распространено многоязычие: на западе - эвенско-юкагирско-якутское и эвенско-юкагирско-чукотско-русское, а на востоке - эвенско-чукотско-русское. В современных эвенских говорах также обнаруживаются следы разделения на “запад” и “восток”: эвены западной Чукотки говорят на восточном наречии, а эвены Большой западной тундры - на западном, и их языковые говоры не всегда взаимопонятны. Говоры эвенов якутской тундры (Усть-Янский, Аллаиховский и Нижнеколымский районы) во многом схожи и имеют черты юкагирского и якутского влияния. Говор эвенов западной Чукотки мало изучен, однако, по-видимому, в нем не обнаруживается достаточно серьезных следов чукотского, несмотря на то, что в этом районе контакты эвенов и чукчей были более длительными, чем на западе, и существовал (и даже существует до настоящего времени) чукотско-эвенский билингвизм. Этот вопрос требует дополнительного изучения.

Сокращения:

алл. — аллаиховский, к. юк. — колымский юкагирский, нк. — нижнеколымский, ол. — ольский, т. юк. — тундренный юкагирский, у-я. — усть-янский, юк. — юкагирский

Список литературы:

- Аргентов А.** Путевые записки Священника миссионера А. Аргентова // записки сибирского отдела ИРГО, книга 4 — 1857.
- Богоразъ В. Г.** Колымскія чукчи // Извѣстія Восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества. — 1899. — Т. 30. — С. 1–51.
- Богоразъ В. Г.** Материалы по изучению чукотскаго языка и фольклора, собранные в Колымскомъ округѣ В. Г. Богоразомъ. Часть 1-я. Образцы народной словесности чукчей. — С.-Петербургъ: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1900а.
- Богоразъ В. Г.** Ламуты // Землеводеніе. — 1900б. — Кн.1. — С. 59–72.
- Богораз В. Г.** Чукчи. Социальная организация. Авториз. пер. с англ. Изд. 3. — М.: УРСС, 2011 (репринт издания 1934 года).
- Бурыкин А. А.** Язык малочисленного народа в его письменной форме: Социолингвистические и собственно лингвистические аспекты (на материале эвенского языка). — Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2004
- Василевич Г. М.** Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. — Ленинград: УЧПЕДГИЗ, 1948.
- Гурвич И.С.** Этнографическая экспедиция в Нижнеколымский и Средне-колымский районы Я АССР в 1951 г. // Советская этнография. — 1952. — № 3.
- Гурвич И. С.** (отв. ред.) Этногенез народов севера. — Москва: Наука, 1980.
- Данилова А. А.** Бытовая лексика эвенского языка. — Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1991.
- Дуткин Х. И.** Аллаиховский говор эвенов Якутии. — Санкт-Петербург: Наука, 1995.
- Дуткин Х. И., Белянская М. Х.** Тундренный диалект западного наречия эвенского языка: Этнолингвистическое и этногеографическое исследование. — Санкт-Петербург: Бельведер, 2009.
- Иохельсон В. И.** Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора. — Санкт-Петербург: 1900.
- Иохельсон В. И.** Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении // Живая старина. — 1895. — Вып. 2. — С. 127–161.

- Юхельсонъ В. И.** Бродячіе роды тундры между рѣками Индигиркой и Колымой, ихъ этнической составъ, нарѣчіе, бытъ, брачные и иные обычаи и взаимодѣйствіе различныхъ племенныхъ элементовъ // Живая старина. – 1900. – Вып. I–II. – С. 151–193.
- Юхельсон В. И.** Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. – Новосибирск: Наука, 2005 (оригинал издан в Ученых записках Американского музея в 1926 г.).
- Калинников Н. Ф.** Наш крайний Северо-восток // Приложение к вып. 33-ему Записок по Гидрографии. – СПб.: типография Морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1912.
- Кузьмина Р. П.** Юкагирские заимствования в нижнеколымском говоре эвенского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №8(86). Ч.1. – Тамбов: Грамота: 2018. – С. 116–120.
- Курилов Г. Н.** Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001.
- Курилова С. Н.** Тематические группы тунгусских лексических заимствований в североюкагирском языке // Журнал "Филологические науки. Вопросы теории и практики". №12(42). Ч. II. – Тамбов: Грамота: 2014. – С. 101–105.
- Левин Л. Г., Потапов Л. П.** Народы мира. Этнографические очерки. Народы Сибири. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.
- Левенталь И. Г.** Труды комиссии по изучению якутской автономной советской социалистической республики. – Т. 4: Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов: с 3 портретами, 1 группой, 2 чертежами и английским резюме / Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский и Л. Г. Левенталь. – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1929.
- Левин М. Г.** Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. – 359 с.,
- Новикова К. А.** Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. Часть 1. – Москва, Ленинград: Изд-во Академии Наук СССР, 1960.
- Новикова К. А.** Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. Глагол, служебные слова, тексты, глоссарий. – Ленинград: Наука, 1980.
- Паткановъ С.** Статистическія данныя, показывающія племенной составъ населенія Сибири, языкъ и роды инородцевъ (на основаніи данныхъ специальной разработки матеріала переписи 1897 г.). – Т. 3. – С.-Петербургъ, 1912.
- Поляков А. А.** По непроторенным тропам. – М.: Молодая гвардия. 1983.
- Пупынина М.Ю., Коряков Ю.Б.** География многоязычия народов колымско-алазейской тундры в конце XIX – начале XX века. Часть 1. Чукотский язык. Чукчи и их контакты с соседями // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2019. – № 1 (23). С. 69–82.
- Роббек В. А.** Язык эвенов Берёзовки. – Ленинград: Наука, 1989.
- Рожановский К. Ф.** Отчет К.Ф. Рожановского об Алазейской части Колымского округа // Отчет уполномоченного Министерства Внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 году Колымскаго и Охотскаго края мирового судьи С.А. Бутурлина. – СПб.: Министерство внутренних дел, 1907.
- Саввинова С. Н.** Якутская заимствованная лексика в эвенском языке.: автореф. дис. ... кандидата филологических наук. – Санкт-Петербург, 2009.
- Туголуков В. А.** Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М.: Наука, 1985.
- Туголуков В. А.** Этнические корни тунгусов // Гурвич И. С. (отв. ред.) 1980, стр. 152–176.
- Туголуков В. А., Тураев В. А., Спезаковский Б. А., Кочешков Н. В.** История и культура эвенов: Ист.-этногр. очерки / отв. ред. В. А. Тураев. – СПб.: Наука, 1997.
- Цинциус В. И.** Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. – Ленинград: Учпедгиз, 1947.
- Цинциус В. И., Ришес Л. Д.** Русско-эвенский словарь. – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952
- Шарина С. И., Кузьмина Р. П.** Нижнеколымский говор эвенского языка. – Новосибирск: Наука, 2018.
- Mal'čukov, Andrej.** 2006. Yakut interference in North-Tungusic languages. Henrik Boeschoten & Lars Johanson (eds.), *Turkic languages in contact*, 122–138. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Nikolaeva, Irina.** 2006. *A historical dictionary of Yukaghir*. Mouton de Gruyter, Berlin, New York

Пупынина Мария Юрьевна, научный сотрудник.

Институт лингвистических исследований РАН.

Пер. Тучков, 9, Санкт-Петербург, Россия, 199053.

Институт языкознания РАН.

Б. Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, Россия, 125009.

E-mail: pupyнина@gmail.com

Наталия Борисовна Аралова, CNRS & Université de Lyon – post-doctoral researcher.

Казанский федеральный университет – младший научный сотрудник.

Татарстан, стр. 2, комн. 467, Казань, Россия, 420021.

E-mail: n.aralova@gmail.com

Коряков Юрий Борисович, старший научный сотрудник.

Институт Языкознания РАН.

Б. Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, Россия, 125009.

E-mail: ybkoryakov@gmail.com

Материал поступил в редакцию 7 ноября 2019 г.

M. Yu. Pupylnina, N. B. Aralova, Yu. B. Koryakov

GEOGRAPHY OF MULTILINGUALISM OF PEOPLES OF KOLYMA-ALAZEIA TUNDRA IN THE LATE 19TH TO THE EARLY 20TH CENTURIES

Part II. Evens language: Evens and their contacts with the neighbors

This study is the second one in a series of studies devoted to the emergence and development of multilingualism in the Kolyma-Alazeya tundra area, a region where the territories of Yukaghir, Even, Chukchi, Yakut, and Russian settlements overlap. The starting point of this study are Evens, their arrival to the area, their contacts with the neighbors, and the languages they spoke. Based on the various sources (the works and reports of ethnographers, travelers, and missionaries) we trace the migration routes of Even nomadic groups from the end of the 19th to the beginning of the 20th centuries in this region. We discovered that the Even clans found to the west of Kolyma spoke Yukaghir and most of them considered Yukaghir to be their native language. Apparently, many Evens spoke two languages (Even and Yukaghir), some of them were trilingual (in Even, Yukaghir and Yakut), and quatorlingualism and quintolingualisms were also attested. There were also some nomadic Even groups near the Southeastern border of Kolyma-Alazeya tundra, and there is evidence that some of their members could speak Chukchi, Even and Russian. The article briefly compares two dialects of Even which are spread out in the west and east of this region. This comparison confirms intensive language contact between Evens, Yukaghirs, and Yakuts in the Great Western Tundra in the past. At the same time, we did not observe any Chukchi influence in the dialect of the Eastern part of Kolyma-Alazeya tundra.

Key words: *multilingualism, Even language, historical sociolinguistics, language maps, Kolyma-Alazeya tundra.*

References:

- Argentov A.** Putevye zapiski Svjašennika missionera A. Argentova [Notes of a journey by priest missionary A. Argentov] // Zapiski sibirskogo otdela IRGO, book 4 – 1857. (in Russian)
- Bogoraz V. G.** Čukči. Social'naja organizacija [Chukchi. Social organization]. Authorized translation from English. 3rd ed. – Moscow: URSS, 2011 (reprint of edition of 1934). (in Russian)
- Bogoraz" V. G.** Kolymskija čukči [Kolyma Chukchi] // Izvěstija Vostočno-sibirskogo otděla Imperatorskogo russkogo geografičeskogo obšestva. – 1899. – T. 30. – P. 1–51. (in Russian)
- Bogoraz" V. G.** Lamuty [Lamuts] // Zemlevědenie. – 1900b. – Book 1. – P. 59–72. (in Russian)
- Bogoraz" V. G.** Materialy po izučeniju čukotskogo jazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom" okrugě V. G. Bogorazom". Čast' 1-ja. Obrazcy narodnoj slovesnosti čukčej [Contributions to studies of the Chukchi language and folklore, collected in Kolyma district]. – S.-Peterburg": Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk", 1900a. (in Russian)
- Burykin A. A.** Jazyk maločislennogo naroda v ego pis'mennoj forme: Sociolingvističeskie i sobstvenno lingvističeskie aspekty (na materiale èvenskogo jazyka) [Language of minority ethnic group in its written form: Sociolinguistic and linguistic proper aspects (on base of studies of the Even language)]. — Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. (in Russian)

- Cincius V. I.** Očerki grammatiki èvenskogo (lamutskogo) jazyka [Grammatical sketch of Even (Lamut)]. – Leningrad: Učpedgiz, 1947. (in Russian)
- Cincius V. I., Rišes L. D.** Russko-èvenskij slovar' [Russian-Even dictionary]. – Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyx i nacional'nyx slovarj, 1952. (in Russian)
- Danilova A. A.** Bytovaja leksika èvenskogo jazyka [Everyday life lexicon of Even]. – Yakutsk: JaNC SO RAN, 1991. (in Russian)
- Dutkin X. I.** Allaikovskij govor èvenov Jakutii [Allaikha subdialect of Yakutia Evens]. – Sankt-Peterburg: Nauka, 1995. (in Russian)
- Dutkin X. I., Beljanskaja M. X.** Tundrennyj dialekt zapadnogo narečija èvenskogo jazyka: Ètnolingvističeskoe i ètnogeografičeskoe issledovanie [Tundra dialect of Western dialect group of Even: Ethnolinguistic and ethnogeographic research]. – Sankt-Peterburg: Bel'veder, 2009. (in Russian)
- Gurvič I. S.** (otv. red.) Ètnogenez narodov severa [Ethnogenesis of peoples of the North]. – Moscow: Nauka, 1980. (in Russian)
- Gurvič I.S.** Ètnografičeskaja èkspedicija v Nižnekolym'skij i Sredne-kolym'skij rajony JaASSR v 1951 g. [Ethnographic expedition to Lower and Middle Kolyma districts of Yakut ASSR] // Sovetskaja ètnografija. – 1952. – № 3. (in Russian)
- Ioxel'son V. I.** Jukagiry i jukagirizovannye tungusy [Yukaghirs and Yukagirized Tunguses]. – Novosibirsk: Nauka, 2005 (originally published in Učenyje zapiski Amerikanskogo muzeja in 1926). (in Russian)
- Ioxel'son V. I.** Materialy po izučeniju jukagirskogo jazyka i fol'klora [Contributions to studies of the Yukaghir language and folklore]. – Sankt-Peterburg: 1900. (in Russian)
- Ioxel'son V.I.** Zametki o naselenii Jakutskoj oblasti v istoriko-ètnografičeskom otnošenii [Notes on population of Yakut oblast from historical-ethnographic point of view] // Živaja starina. Issue 2. 1895. – P. 127–161. (in Russian)
- Kurilov G. N.** Jukagirsko-russkij slovar' [Yukaghir-Russian dictionary]. – Novosibirsk: Nauka, 2001. (in Russian)
- Kurilova S. N.** Tematičeskije gruppy tungusskix leksičeskix zaimstvovanij v severojukagirskom jazyke [Thematic groups of Tungus lexical loanwords in Northern Yukaghir] // Filologičeskije nauki. Voprosy teorii i praktiki (journal). – № 12(42). Part II. – Tambov: Gramota: 2014. – P. 101–105. (in Russian)
- Kuz'mina R. P.** Jukagirskie zaimstvovanija v nižnekolym'skom govore èvenskogo jazyka [Yukaghir loanwords in Lower Kolyma subdialect of Even] // Filologičeskije nauki. Voprosy teorii i praktiki. №8(86). Part1. – Tambov: Gramota: 2018. – S. 116–120. (in Russian)
- Levental' I.G.** Trudy komissii po izučeniju Jakutskoj Avtonomnoj Sovetskoj Socialističeskoj Respubliki. T. 4: Materialy po obyčnomu pravu i po obšestvennomu bytu jakutov: s 3 portretami, 1 gruppoj, 2 čertežami i anglijskim rezjume [Works of commission for studies of Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. Vol. 4: Studies on customary law and social life of Yakuts] / D. M. Pavlinov, N. A. Vitaševskij and L. G. Levental'. – Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1929. (in Russian)
- Levin L. G., Potapov L. P.** Narody mira. Ètnografičeskije očerki. Narody Sibiri [Peoples of the World. Ethnographic sketches. Peoples of Siberia]. – Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1956. (in Russian)
- Levin M. G.** Ètničeskaja antropologija i problemy ètnogeneza narodov Dal'nego Vostoka [Ethnic anthropology and problems of ethnogenesis of Far East peoples]. – Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. – 359 pp. (in Russian)
- Mal'čukov, Andrej.** Yakut interference in North-Tungusic languages // Henrik Boeschoeten & Lars Johanson (eds.), Turkic languages in contact. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2006. P. 122–138.
- Nikolaeva, Irina.** A historical dictionary of Yukaghir. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006.
- Novikova K. A.** Očerki dialektov èvenskogo jazyka: Ol'skij govor [Sketches on dialects of Even: Ola subdialect]. Part 1. – Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1960. (in Russian)
- Novikova K. A.** Očerki dialektov èvenskogo jazyka: Ol'skij govor. Glagol, služebnye slova, teksty, glossarij [Sketches on dialects of Even: Ola subdialect. Verb, function words, texts, glossary]. – Leningrad: Nauka, 1980. (in Russian)
- Patkanov" S.** Statističeskija dannija, pokazyvajušija plemennoj sostav" naselenija Sibiri, jazyk" i rody inorodcev" (na osnovanii dannyx" special'noj razrabotki materiala perepisi 1897 g.) [Statistical data, showing tribal composition of Siberia population, the language and clans of non-Russian population (on base of 1897 census data)]. – T. 3. – S.-Peterburg", 1912. (in Russian)
- Poljakov A. A.** Po neprotorennym tropam [By untrod paths]. – Moscow: Molodaja gvardija. 1983. (in Russian)
- Robbek V. A.** Jazyk èvenov Berëzovki [Language of Berezovka Evens]. – Leningrad: Nauka, 1989. (in Russian)
- Rožanovskij K. F. Otčet K. F.** Rožanovskogo ob Alazejskoj časti Kolym'skogo okruga [K. F. Rožanovsky's Report about Alazeya part of Kolyma District] // Otčet upolnomočennogo Ministerstva Vnutrennix del po snabženiju prodovol'stviiem v 1905 godu Kolym'skago i Oxotskogo kraja mirovogo sud'i S.A. Buturlina. – Sankt-Peterburg: Ministerstvo vnutrennix del, 1907. (in Russian)

Šarina S. I., Kuz'mina R. P. Nižnekolymskij govor èvenskogo jazyka [Lower Kolyma subdialect of Even]. – Novosibirsk: Nauka, 2018. (in Russian)

Savvinova S. N. Jakutskaja zaimstvovannaja leksika v èvenskom jazyke [Yakut borrowed lexicon in Even]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie učennoj stepeni kandidata filologičeskix nauk. – Sankt-Peterburg, 2009. (in Russian)

Tugolukov V. A. Ètničeskie korni tungusov [Ethnic roots of Tunguses] // Gurvič I. S. (ed.) 1980, P. 152–176. (in Russian)

Tugolukov V. A. Tungusy (evenki i eveny) Srednei i Zapadnoi Sibiri [Evenic tribes of the Middle and Western Siberia]. – Moscow: 1985. (in Russian)

Tugolukov V. A., Turaev V. A., Spevakovskij B. A., Kočeškov N. V. Istorija i kul'tura èvenov: Istoriko-ètnografičeskie očerki [History and culture of Evens: Historical-ethnographical sketches] / ed. by V. A. Turaev. – Sankt-Peterburg.: Nauka, 1997. (in Russian)

Vasilevič G. M. Očerki dialektov èvenkijskogo (tunguskogo) jazyka [Sketches on dialects of the Evenki (Tungus) language]. – Leningrad: UČPEDGIZ, 1948. (in Russian)

Ioxel'son" V. I. Brodjačie rody tundry meždu rëkami Indigirkoi i Kolymoi, ix" ètničeskij sostav", narëčie, byt", bračnyje i inye obyčaji i vzaimodëjstvie različnyx" plemennyx" èlementov" [Nomadic clans of tundra between Indigirka and Kolyma rivers, their ethnic composition, language, everyday life, matrimonial and other traditions and the interaction of various tribal elements] // Živaja starina. – 1900. – Iss. I–II. – P. 151–193. (in Russian)

Pupynina Maria Yuryevna, Candidate of philol. studies, Researcher.

Institute of Linguistic Research RAS.

Tuchkov per., 9, Sankt-Peterberg, Russia, 199053.

Institute of Linguistics RAS.

B. Kislovski per., 1. str. 1., Moscow, Russia, 125009.

E-mail: pupynina@gmail.com

Aralova Natalia Borisovna, PhD, post-doctoral researcher.

CNRS & Université de Lyon.

DDL - MSH-LSE

14 avenue Berthelot

69363 LYON CEDEX 07

FRANCE

Kazan Federal University.

Tatarstan Str. 2, room 467, Kazan, Russia, 420021

Koryakov Yuri Borisovich, Candidate of philol. studies, Senior Researcher.

Institute of Linguistics RAS.

B. Kislovski per., 1. str. 1., Moscow, Russia, 125009.

E-mail: ybkoryakov@gmail.com